

Франциско Молина-Морено
(Государственный Кубанский университет)

ЗНАМЕНИТЫЙ ИСПАНСКИЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК ПУШКИНА: «ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ» ЛОПЕ ДЕ ВЕГА¹

Предметом этой статьи являются размышления о драме Лопе де Вега «Великий Князь Московский, или Преследуемый Император». Нашей целью будет не столько собственное исследование, сколько синтез различных точек зрения о происхождении этого произведения и той обработки, которой Лопе де Вега подверг историю России. Надеемся, что данный синтез послужит основой для последующих работ.

«Великий Князь Московский» был первой драмой в истории европейской литературы, затронувшей события эпохи Лжедмитрия и Бориса Годунова². Не перестает удивлять тот факт, что именно в Испании впервые воплотились на театральных подмостках события Смутного времени, впоследствии освещенные гениями Пушкина в его драме 1831 г. и Мусоргского в его опере 1868–1871-х гг. Нам кажется небезынтересным проследить, как Лопе де Вега узнал о событиях в России.

Мы не будем останавливаться на психологических сходствах между русскими и испанцами и их художественных проявлениях³, описываемых с большой частотой и с не меньшей поверхностностью суждений во многих работах. Нас интересует тот факт, что, несмотря на географическую удаленность, языковые различия и отсутствие прямых и стабильных связей с Испанией, славянские страны привлекали внимание различных испанских писателей Золотого века. Мы разделяем то мнение, согласно которому история России в так называемое Смутное время, последовавшее за смертью Ивана Грозного, имела драматический характер, делавший его особо притягательным для литературной обработки⁴.

Чтобы выяснить, как был создан «Великий Князь Московский», опишем контекст отношений между Россией и Западной Европой и, более конкретно, с Испанией начала XVIII в., когда Лопе де Вега пишет интересующую нас драму. После мы укажем на некоторые примеры драматического характера, которые наделили историю Бориса Годунова тем непреодолимым для великого драматурга притяжением. И, наконец, более детально рассмотрим источники Лопе де Вега и ту драматическую обработку, которой подверг их наш автор. Как мы увидим, главным источником для испанского поэта стал памфлет, подписанный Бареццо Барецци, возможно, псевдоним иезуита Антонио Поссевино. В целом, обработка, которой подверг Лопе де Вега историю, и характеристика, которую он дал Лжедмитрию, были даны сквозь призму того, как иезуиты видели предполагаемого наследника на русский трон. Случайные ошибки и фантазии, которые появляются в драме Лопе де Вега, обязаны не только тому, что говорили (или о чем умалчивали) его источники, но и художественному намерению автора: в конце концов Лопе де Вега ставил себе задачу не писать историю, а создать драму.

Отношения между Россией и Западной Европой в начале XVII в. Характеристика⁵

События периода бунтов вызвали большой интерес в европейских странах. Роль, которую в истории Смутного времени сыграла Польша (а через нее все центры католического мира), пробудила надежды многих политиков: начиная от проектов династических связей (Австрия) и коммерческих привилегий (Флоренция) до завоевания территорий (Англия). Рим также надеялся привлечь под свое влияние Лжедмитрия для совместного крестового похода против турков и для распространения католицизма в России.

Но события в России были интересны не только политикам и дипломатам. В России было много иностранцев: купцы, военные, ремесленники. Судьба этих людей в эпоху Смутного времени волновала их родственников и друзей на родине; иностранные солдаты, возвращаясь домой, распространяли новости о России. В Италии, Франции, Англии и даже в далекой Испании печатались буклеты и книги на злобу дня, в

¹ Мы благодарим преподавателей Анхеля Луис Энсинес Мораль и Хесуса Гарсия Габальдон (Университет Компьюльгенсе, Мадрид) и Всеволода Евгеньевича Багно за ценные замечания, высказанные по поводу этой работы.

² См.: *Алексеев М. П.* Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской литературе // Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 367.

³ *Menéndez Pelayo*, «El Gran Duque de Moscovia»: Observaciones preliminares // Obras de Lope de Vega. Т. 6. Madrid, 1896. P. 138: «Даже в переводах великолепная драма Пушкина (sic), представляет собой тот восхитительный здоровый и поэтический реализм, в котором так сильны русские и который имеет некоторое сходство с кое-чем и из нашей старой литературы». Суждение, которое отражает скорее личные вкусы Менендеса Пелайо, то, что он знал из русской литературы, и то, что ему нравилось в литературе испанской, чем реальное состояние русской и испанской литературы в целом.

⁴ Ibid. P. 136; *Brody E. C.* Lope de Vega's El Gran Duque de Moscovia y Emperador Perseguido // The Demetrius Legend and Its Literary Treatment in the Age of the Baroque. New Jersey, 1972. P. 52; *Алексеев М. П.* Указ. соч. С. 363.

⁵ В последующих разделах наш основной источник: *Алексеев М. П.* Указ. соч. С. 362–364.

которых рассказывалось о политической истории России начиная с эпохи Ивана Грозного, описывались правления Федора Иоанновича и Бориса Годунова, проводились дискуссии о личности Лжедмитрия и т. д. Авторы обыкновенно были достаточно информированы, и их произведения превращались в незаменимые исторические источники, содержавшие вместе с тем некоторые ошибки и неточности.

Эстетическое измерение: История России и ее привлекательность для драматургии

События в России, с их ореолом приключенческого романа, обладали необычайной привлекательностью, тем более что речь шла о подлинных фактах. Книготорговцы и издатели сразу поняли это, например, одно из сочинений, появившееся в 1606 г. и переведенное во всей Европе, называлось так: «Рассказ о необычайном, почти чудесном завоевании отеческого царства, произведенном знаменитым юным Димитрием». Среди других произведений можно упомянуть «Московскую трагедию», «Свадьбу на крови в Москве»⁶ и пр.

Известно, что одним из излюбленных Лопе мотивов было превращение феодального сеньора в тирана («Овечий источник», *Перибаньес*), а также мотив мудрого и справедливого царя, который наказывает распоясавшихся дворян, — «Женихи Орначуэлос» (*Los novios de Hornachuelos*); «Лучший губернатор, царь» (*El mejor alcalde, el rey*). В «Великом Князе Московском» тиран даже покушается на жизнь законного наследника престола, чтобы узурпировать власть. Этот мотив необычен для Лопе. Очевидно, что он ему был неприятен. Но также ясно, его художественное чувство было заинтриговано драматическим богатством истории Бориса Годунова. Еще одна тема, захватившая Лопе и его публику, — это преследование невинного героя, который не только не смиряется с несправедливостью, но и борется за восстановление справедливости⁷.

Некоторые соображения о создании «Великого Князя Московского»

В предыдущих разделах мы сделали небольшой набросок исторического и эстетического контекстов, в которых появляется сочинение Лопе де Вега. Что касается хронологии, то мы можем знать ее только приблизительно. Драма была издана при жизни Лопе в седьмом томе его «Комедий», напечатанном в Мадриде и Барселоне в 1617 г.; но могла быть написанной и раньше. Правдоподобно даже предположение Менендеса Пелайо о том, что она была написана перед смертью Лжедмитрия, который, по мнению Лопе и большинства его современников, не был самозванцем⁸.

С другой стороны, Алексеев упоминает исследование, осуществленное Балашовым, рукописи пьесы: речь идет о белой копии, сохраненной в Национальной библиотеке Мадрида и скопированной с автографа Лопе де Вега, который был создан для мадридского издателя Антонио Нагуеро. Согласно Алексееву, Балашов пришел к заключению, что эта рукопись была написана летом 1606 г., т. е. до того, как в Испанию пришло известие о смерти Лжедмитрия. Основанием для этого заключения являются последние слова произведения, не напечатанные в версии 1617 г.⁹ Эти обстоятельства могут сделать правдоподобной гипотезу о том, что Лопе пользовался устными рассказами, мифом, уже сформулированным у Менендеса Пелайо: по его мнению, в Испанию пришло известие о Лжедмитрии в 1606 г. через иезуитов, которые содействовали успеху Лжедмитрия и признавали его как законного наследника на русский престол, позволяя себя обманывать из-за надежд навязать католицизм в России. Также, по словам Менендеса Пелайо, источником информации для Лопе мог быть какой-нибудь польский иезуит или испанец, учившийся в польском колледже¹⁰. Этот миф, основанный на исторических ошибках, встречающихся в произведении Лопе, был отмечен исследователями, которые даже предполагают, что информантами Лопе могли быть братья Марины Мнишек, приехавшие в Вальядолид 25–26 мая 1606 г.¹¹

Основание, положенное Менендесом Пелайо для его гипотезы (исторические ошибки, совершенные Лопе), почти оборачивается против самой гипотезы. На самом деле, как заметил Алексеев¹², именно общение с русскими людьми помогло бы избежать этих ошибок: Иван Грозный фигурирует в драме как Василий; у жены Бориса Годунова фантастическая фамилия Орофриса; мать Димитрия зовется Кристина; в царском московском дворе находится немецкий рыцарь Ламберто¹³; боярина, который убивает двойника Димитрия, зовут Родульфо;

⁶ Цит. по: *Menéndez Pelayo*. Op. cit. P. 134.

⁷ *Brody E. C.* Op. cit. P. 52–53.

⁸ *Menéndez Pelayo*. Op. cit. P. 133.

⁹ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 367–368; и особенно: Балашов Н. И. Рукописи испанских драм и гуманистическая традиция литературы Испании XVII в. // Известия АН СССР. Отделение Литературы и языка. Т. 23. 1964. Вып. 1. С. 18–35.

¹⁰ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 367 и *Menéndez Pelayo*. Op. cit. P. 134.

¹¹ Алексеев М. П. (Указ. соч. С. 368) цитирует *Poehl G. von*. La fuente de «El gran duqua de Moscovia» de Lope de Vega // RFE, 19. 1932. P. 50, автора, которого мы не смогли найти у Балашова; этот последний в свою очередь ссылается на перевод Москера (*Mosquera*) памфлета *Varezzo Varezzi* — эту ссылку мы не смогли проверить.

¹² Алексеев М. П. Указ. соч. С. 368.

¹³ Однако *Brody E. C.* (Op. cit. P. 71) указывает на то, что два из возможных источника приписывали спасение Димитрия рыцарю, врачу или немецкому воспитателю. Это «Рассказ об удивительном, почти чудесном завоевании отеческой империи, произведенным юным Димитрием» Бареццо Барецци и испанский перевод этого произведения, осуществленный Хуаном Москера.

в качестве верного дядьки настоящего царевича фигурирует испанец Руфино: все эти детали только указывают на то, что Лопе, возможно, не знал и что должен был компенсировать с помощью своего воображения.

Однако драматург довольно верно воспроизвел общую схему событий в Московии в первые годы Смутного времени и целую серию деталей, которые указывают на то, что его источники были неплохо информированы. Так, Лопе де Вега знал о склонности к блуду Ивана Грозного и о том, как он убил своего сына, которого любил и на которого возлагал большие надежды. Также знает Лопе о том, что Федор, второй сын Ивана Грозного, был неспособен управлять государством¹⁴. В произведении даже указано на некоторые черты местного колорита: соболя, знаменитый посох Ивана Грозного (в драме — Василия) с железным наконечником или царские титулы Бориса Годунова¹⁵.

Откуда Лопе получил всю эту информацию? Русские исследователи, в отличие от испанских, настаивают на том, что почти единственным его источником было сочинение Бареццо Барецци¹⁶, (который побывал в Москве во времена Ивана Грозного, сносился с Лжедмитрием и использовал для своей работы записки Н. Чжижевски и А. Левицки, двух польских иезуитов из окружения Лжедмитрия).

Поссевино был ярким сторонником Лжедмитрия и выразил это отношение в своем опусе. Почти сразу после публикации в Венеции текст был переведен на испанский другим иезуитом, Хуаном Москера, и напечатан в Вальядолиде в 1606 г., с названием «Рассказ о необычайном, почти чудесном завоевании отеческого царства, совершенном Сиятельным Князем Иваном Димитрием, Великим Князем Московским в 1605 году». Имя Иван Димитрий (Juan Demetrio) — вероятно, ошибка испанского переводчика, который перепутал *giovane* ('молодой') с *Giovanni* ('Иван')¹⁷. В 1609 г. в Мадриде появляется перевод этого произведения на латынь¹⁸.

Предполагалось, что Лопе использовал скорее испанскую версию, чем перевод Хуана Москера¹⁹. Например, Броди указывает на некоторые заимствования из версии Москера: Федор был доведен до сумасшествия ядовитыми травами; спасение Димитрия, тесная связь Димитрия со своим дядькой, аудиенция Димитрия при дворе польского короля Сигизмунда и предательство Родульфо²⁰.

То, что Лопе зависит от Бареццо, даже если эта зависимость не прямая, а через Хуана Москера, не является случайным. Как Бареццо Барецци, так и Лопе сходятся на том, что Борис подсылает убийцу к малолетнему царевичу Димитрию, спасенному своим воспитателем-немцем, подмененному похожим на него мальчиком. Совпадает и рассказ о Димитрии, который, по совету своего воспитателя, поступает в монастырь, потом бежит в Литву, открывает себя хозяину, на которого работает, и добивается аудиенции у Сигизмунда. Не случайны совпадения в количестве солдат Димитрия, рассказ об их поражении в начале и следующей за ним неожиданной победой. Новость о массовых убийствах в Кромах и предательство Басманова совпадают с рассказом о Родульфо в драме Лопе: в обоих случаях происходит превращение униженного слуги Бориса в горячего последователя Лжедмитрия, который провозглашает его законным наследником перед беглыми солдатами.

Несмотря на это, практически невозможно свести все данные, которыми располагал Лопе, к одному лишь заимствованию из произведения Барецци-Поссевино. Не вызывает сомнения тот факт, что Лопе ввел в свою драму большое количество выдуманных элементов, мог он пользоваться и другими источниками. Так, например, в книге Поссевино не было сведений для создания персонажа царя Федора. Кроме того, в драме Лопе Димитрий не сын, а внук Ивана Грозного: эта деталь могла базироваться только на устных источниках, в Польше, например, существовал слух о том, что Димитрий был сыном царевича Иоанна, сына Ивана Грозного, убитого своим отцом в припадке ярости²¹. С другой стороны, Лопе ничего не говорит о введении католицизма на Руси, что было очень важным для Бареццо Барецци и Москеры. Очень вероятно, что эта тема его не интересовала как драматурга, кроме того правдоподобно, как указывает Броди, что, по мнению Лопе, православная Русь не представляла собой никакой угрозы, поскольку не пыталась навязывать свои религиозные воззрения остальной Европе, в отличие от турок или протестантов²².

¹⁴ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 368–369.

¹⁵ По мнению Brody E. C. (Op. cit. P. 56 и 58), некоторые из этих деталей почерпнуты из «Московии» Антонио Поссевино.

¹⁶ Brody E. C. Op. cit. P. 55.

¹⁷ Алексеев М. П. Очерки испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964. С. 12 (= 1985. С. 13–14); Алексеев М. П. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской литературе. С. 369; также Poehl G. von. Quellenkundliches zur Geschichte des ersten falschen Demetrius, Mosquera — Barezzi // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. 7. 1932. S. 73–85 — этот текст был нам не доступен.

¹⁸ Алексеев М. П. Борис Годунов и... С. 369–370.

¹⁹ Brody E. C. Op. cit. P. 57, который ссылается на Poehl G. Von. Op. cit. S. 73–85.

²⁰ Brody E. C. Op. cit. P. 59.

²¹ Алексеев М. П. Борис Годунов и... С. 370.

²² Brody E. C. Op. cit. P. 58, 75.

Среди других возможных источников «Великого Князя Московского» Броди обращает внимание на «Католическую историю и историю понтификов» Луиса Бавии, опубликованную в Мадриде в 1613 г.²³

Изложение событийной канвы «Великого Князя Московского»²⁴

Тема произведения — узурпация власти, преследование невинного князя, триумф последнего и наказание узурпатора²⁵. Великий Князь Московский, отец Дмитрия, становится в драме Лопе его дедом, его имя не Иван Грозный, а Василий. У него есть два сына — Иван и Феодор²⁶. Феодор появляется в произведении как жертва умопомешательства. Зато мальчик Дмитрий, по словам Менендеса Пелайо, «скромнейший». Но любимцем Василия является его сын, Иван; он ненавидит Феодора, его жену Кристину и сына Дмитрия, всеми силами стараясь отстранить их от наследования царского венца. Княгиня Кристина боясь за жизнь своего сына, доверяет его Ламберто, испытанному и верному немецкому рыцарю, чтобы тот спрятал его в своем дворце и воспитал в занятиях, свойственных рыцарям, вместе со своим сыном, ровесником Дмитрия. Василий, как и его исторический прототип Иван Грозный, дает пощечину своей невестке Исабель и убивает ударом посоха сына, которого любил, показывая затем всем, как он носит траур по своему сыну, и умирает от горя, произведенного его же жестокостью. Вместо него великим князем становится неспособный к управлению Феодор с регентством Бориса, который плетет заговор против царевича Дмитрия, чью жизнь спасает Ламберто, принося в жертву собственного сына.

Во втором акте верный Ламберто умирает на руках Дмитрия, который бежит в монастырь. Но до Бориса доходят слухи, что Дмитрий все еще жив, и, заехав случайно в монастырь, он улавливает странное сходство между Дмитрием и одним послушником и напрямую говорит настоятелю о необходимости умертвить послушника. К счастью, скрывающийся князь, подслушав вовремя разговор, вешает на дерево свои одежды и бежит в Ливонию, где вначале работает жнецом и потом как поваренок входит во дворец графа Палатино, в чью дочь Маргариту (Марина Мнишек) он влюбляется. Дмитрий открывается графу Палатино; с помощью Сигизмунда, польского короля, он завоевывает свое царство и женится на дочери графа Палатино.

К вопросу об обработке истории, которую произвел Лопе

Краткое содержание, изложенное выше, дает представление о том, на что Лопе направил свои усилия. Его задача состояла в том, чтобы представить личность Дмитрия как можно более выгодно. Сильный и великодушный царевич, скромный и чуткий к страданиям других — живое воплощение испанского кодекса рыцарской чести (ненапрасно, по выдумке Лопе, Дмитрий был воспитан испанцем Руфино). Его призвание — защищать слабых, наказывать злых, бороться против преступления и прощать с великодушием раскаявшихся. Им движут не амбиции, а жажда справедливости; он бы простил Бориса, если бы последний не покончил с собой, он прощает Родульфо, подосланного Борисом для убийства царевича. Он никогда не прибегает к интригам: он должен бороться честно. Взойдя на престол, он в порыве благодарности за оказанную помощь предлагает свое государство польскому королю и намерен отправиться в поход против западного врага, Карла Шведского²⁷. По мнению Алексева, этот образ напрямую связан с текстом Поссевино: Лопе де Вега смотрел на Лжедмитрия глазами иезуитов. Другого пути не было. Лопе де Вега всегда был очень религиозен, несмотря на его бесчисленные «оступки»; с 1609 г. он был даже близок к инквизиции и, как верный сын Католической Церкви, должен был разделить надежды, которые Рим возлагал на Лжедмитрия.

Знаменательно то, что пьеса завершается сценой битвы в Кромах: объясняется ли это тем, что Лопе не нашел сведений о последующей судьбе Лжедмитрия в сочинении Поссевино? Или тем, что драма была написана до того, как в Москве был поднят бунт против Лжедмитрия? Эти вопросы остаются без ответа. Кажется мало правдоподобным, что в Испанию не пришла новость о кровавом бунте в Москве; но можно думать, что даже если бы Лопе и знал о реальном историческом конце Лжедмитрия, то не стал бы завершать свое произведение его гибелью, это было бы абсурдно с точки зрения драматургической логики, т. к. означало бы отрицание всего идеологического фона пьесы²⁸.

(Перевод Я. Князевой)

²³ Brody E. C. Op. cit. P. 59–64.

²⁴ Ibid. P. 52; Menéndez Pelayo. Op. cit. P. 136–137.

²⁵ Brody E. C. Op. cit. P. 53–54.

²⁶ По мнению Менендеса Пелайо, тот факт, что Лопе избегает простой транслитерации русского имени *Федор* (Feodor), точно соответствующего греческому Theodoros, позволяет предположить, что он использовал латинский источник, написанный кем-то, кто знал немного русский, т. е. поляком.

²⁷ Алексеев М. П. Борис Годунов и... С. 371–372.

²⁸ Там же. С. 372; Brody E. C. Op. cit. P. 66.